

Галина Романова

Московский городской педагогический университет Москва, Россия
galinroma@mail.ru

 0000-0002-6173-2411

<https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>

Кристина Ризаева

Московский городской педагогический университет Москва, Россия
krisriza@icloud.com

 0000-0001-6163-0629

<https://orcid.org/0000-0001-6163-0629>

Влияние поэтики Ф.М. Достоевского на творчество М.Н. Альбова

Prethodno priopćenje /

Preliminary communication

UDK 821.161.1.09Dostoevskij, F. M.

821.161.1.09.Albov M. N.

<https://doi.org/10.32728/tab.21.2024.4>

Primljeno /Received: 20. prosinca 2023.

Prihvaćeno / Accepted: 1. ožujka 2024.

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены примеры литературного влияния поэтики Достоевского на произведения писателя-беллетриста Михаила Ниловича Альбова, чье творчество составляет значительную часть литературного процесса конца XIX века, переиздается и в XXI в. Освоение художественной манеры Ф.М. Достоевского его эпигоном Альбовым проявилось в изображении мрачного художественного мира, атмосферы сумеречной реальности, в создании рефлексирующего, психически больного типа, в повторе и варьировании сюжетных ситуаций, в изображении особенностей поведения героев, использовании имен, фамилий из произведений Достоевского, в изображении Петербурга.

Признаки литературного влияния выявлены в рассказах Альбова «Записки подвального жильца», «Городское происшествие», «Петербургские мизерабли», «Во мгле серого дня», в «психиатрическом этюде» «День итога». Выявление в текстах его малой прозы литературных реминисценций и аллюзий, преимущественно из повести «Записки из подполья» и романа «Преступление и наказание», показывает не только стремление к подражанию великому современнику, но и указывает на оригинальные черты, сказавшиеся в трансформации жанровых канонов, в новаторском развитии традиционных тем и представлении литературных типов.

Ключевые слова: М.Н. Альбов, подражание, литературное влияние, Ф.М. Достоевский, эпигон

1. ВВЕДЕНИЕ

Вопрос об эпигонах писателей-классиков тесно связан с темой литературных репутаций. Соответственно читательскому признанию литературные произведения условно относят к классике, беллетристике, массовой литературе. Открытия писателей, чьи произведения признаны классическими, варьируются, адаптируются в сочинениях беллетристов, повторяются в развлекательных сочинениях. Таким образом, несмотря на невысокие эстетические достоинства, книги авторов «второго ряда» часто становятся заметными явлениями в культуре своего времени, оказывая влияние на современников. Об этом писал В.Г. Белинский во вступлении к сборнику «Физиология Петербурга» (1845): «Бедна литература, не блистающая именами гениальными; но не богата и литература, в которой всё – или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чем больше их, тем лучше для литературы» (Белинский 1955: 145). Этим обусловлена необходимость изучения проблемы специфики таких литературных явлений, как заимствование, подражание, влияние, а также исследование произведений писателей, чье творчество, не отличаясь оригинальностью, признавалось современниками как значительное явление. При этом положительное значение эпигонских произведений, т. е. представляющих собой нетворческое подражание классике, с течением времени утрачивается, читатели-любители о них постепенно забывают. Однако они остаются в истории литературы и, соответственно, требуют осмысления. Изучение творчества эпигонов выполняет еще одну важную функцию: помогает выделить характерные, наиболее яркие особенности творчества тех писателей, чьи открытия заимствуются и адаптируются. В этом отношении произведения русского писателя-беллетриста Михаила Ниловича Альбова (1851–1911) – благодарный материал. Когда-то востребованное читателями-современниками, в наши дни его творчество остается таковым только у филологов, все чаще обращающихся к нему, чтобы высветить характерные черты стиля и проблематики сочинений А.П. Чехова и Ф.М. Достоевского. Современные исследователи отмечают, что Альбов – талантливый писатель, способный создавать неуловимую атмосферу сумеречной реальности с сонмом бесцветных существ, оплетенных паутиной мучительных отношений. Это мнение основано, в частности на суждениях критиков – современников писателя. Так, М.Е. Салтыков-Щедрин считал подражательность пороком и в письме М.М.

Стасюлевичу от 6.01.1885 г. отмечал, что Альбов «имеет громадный недостаток быть подражателем Достоевского».

2. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поставив перед собой цель – исследовать в произведениях Альбова следы влияния поэтики Достоевского в формальных (сюжет, система персонажей, особенности художественной речи) и в содержательных аспектах (тематике), авторы данной работы использовали методы биографический, культурно-исторический, а также интертекстуальный анализ.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Во второй половине XIX в. Достоевский еще не классик, но уже авторитетный, высоко оцененный публикой писатель. Успех его произведений вызвал стремление подражать его художественной манере, использовать и адаптировать сделанные им открытия.

Заголовок первого опубликованного в популярной газете «Петербургский листок» рассказа Альбова «Записки подвального жильца» (1868, 24 февраля) наводит на мысль о заимствовании темы, заявленной в «Записках из подполья» (1864) Ф.М. Достоевского. Читательские ассоциации подтверждены выбором жанра (записки) и формы организации речи (рассказ от первого лица). Герой этого произведения Альбова – одинокий молодой человек, влюбившийся в соседку. Типичный мечтатель (как он обрисован в ряде произведений Достоевского: «Белые ночи», «Хозяйка») узнает о том, что вскружившая ему голову девушка – содержанка генерала. Эта новость разбивает его мечты, от отчаяния он бросается в Неву, ледяная вода излечила его от «несчастной страсти». В рассказе нет прямых текстовых включений из Достоевского, хотя все напоминает о его произведениях: и известная по роману «Бедные люди» влюбленность на расстоянии, «амурные экивоки» в окошках, герой – начинающий литератор, чью повесть издатель «берет за двадцать пять рублей». Говорящую фамилию *Тряпицын* также можно расценить как заимствование – своеобразную вариацию рассуждений героев Достоевского о том, что человек не «ветошка», т.е. старая, рассыпающаяся тряпочка. Так, служанку Терезу

в романе «Бедные люди» «безжалостная хозяйка <...> затирает <...> в работу, словно ветошку какую-нибудь» (Достоевский 1989: 33). Изображение уязвленного самолюбия, мнимого соперничества с офицером, из-за которого Тряпицына выставляют за дверь и которое приводит к заболеванию на нервной почве, вызывает ассоциации с «Записками из подполья» (сцены с офицером) Достоевского. Хотя психологический и символический смысл, заключенный в словах Достоевского «подпольный человек», при этом исчезает, растворяясь в буквальном значении выражения «подвальный жилец», очевидный случай заимствования заголовков многозначителен. Известно, что Альбов рано полюбил чтение и художественную литературу, начал писать в десятилетнем возрасте. Литературное заимствование в случае с «Записками подвального жильца» является формой ученичества. К безусловным достоинствам рассказа можно отнести сам факт обращения тринадцатилетнего подростка к такому сложному произведению, как роман Достоевского (не зависимо от степени его осознанности), он удивителен и свидетельствует об одаренности подражателя. Как отмечал В.В. Набоков, в «Записках из подполья» «ярчайшим образом представлены темы Достоевского, его стереотипы и интонации. Это квинтэссенция достоевщины» (Набоков 2012: 190). Современные исследователи считают повесть пролегоменами к великому «пятикнижию» классика.

Одним из самых ярких примеров влияния поэтики Достоевского на творчество Альбова, несомненно, является «психиатрический этюд» «День итога» (1879), имевший большой успех при публикации и вызывающий интерес у современных исследователей (Е.К. Созина, А.Б. Муратов и др.). Как отмечает А.Б. Муратов, именно это произведение принесло известность Альбову, за которым «установилась репутация подражателя Достоевского» (Муратов 1996: 29).

В произведениях Альбова действие разворачивается в пространстве столицы, в бедных кварталах, в домах, где на лестницах пахнет плесенью и кошками, на съемных квартирах, в которых протекает неприглядная жизнь городских обывателей. Все это вызывает ассоциации с произведениями Достоевского. Однако здесь есть важное отличие: у Достоевского специфика петербургского пейзажа не является результатом словесной фотографии («дагерротипа»), как это характерно для физиологического очерка русской «натуральной школы». Особенность, которая сообщает особую убедительность

городским картинам, — явно ощущаемая субъективность точки зрения. Окружающая героев реальность передана в восприятии персонажей, что придает описаниям особый психологический смысл. Альбов, всю жизнь проживший в Петербурге и хорошо его знавший и понимавший, заимствует только литературный прием изображения: в его «петербургских» произведениях мир городских низов представлен преимущественно статичным, мрачным фоном, на котором разворачивается действие, что существенно снижает художественный потенциал.

Напоминает о «Записках из подполья» Достоевского центральная сцена в «этюде» Альбова: намеренное оскорбление главным героем влюбленной в него девушки: «И отлично! Чем подлей – тем лучше!.. Она теперь, может, мучится... Превосходно!» (Альбов 1888: 21). Кроме того, в «Дне итога» использован знаменитый неологизм Достоевского: слово «стушеваться». В заметке «История глагола “стушеваться”» («Дневник писателя» за 1877 г.) писатель объяснил его значение: «...Слово “стушеваться” значит исчезнуть, уничтожиться, сойти, так сказать, *на нет*. Но уничтожиться не вдруг, не провалившись сквозь землю, с громом и треском, а, так сказать, деликатно, плавно, неприметно погрузившись в ничтожество.... Мне в продолжение всей моей литературной деятельности, всего более нравилось в ней то, что и мне удалось ввести совсем новое словечко в русскую речь...» (Достоевский 1995: 338, 340). Повествователь Альбова заключает эпизод, используя это слово: «Он оглянулся. Кати уже не было... Он и не видел, как она стушевалась, исчезла, как тень, не простясь...» (Альбов 1888: 23).

В центре системы персонажей произведений Достоевского – «маленькие люди» разночинского и мещанского происхождения, находящиеся в крайне тяжелых жизненных обстоятельствах, гордые и одинокие, с неустойчивой психикой, страдающие раздвоением сознания. В работах, посвященных творчеству писателя, отмечалось, что «всякого, кто читал произведения Достоевского, поражает большое число психически больных среди типов, которые изображает нам художник в своих романах» (Сегалов 1929: 92). Интерес к таким личностям обнаруживает и Альбов. В «Дне итога» изображен бедный недоучившийся студент, во многом напоминающий Раскольников из романа Достоевского «Преступление и наказание» (1866). О близости этих персонажей свидетельствуют некоторые особенности

их поведения, приемы изображения которого Альбов заимствует у Достоевского. Так же, как Раскольников, который периодически впадает «в глубокую задумчивость», «в какое-то забытье», бормочет «про себя от своей привычки к монологам» (Достоевский 1989: 6). Герой Альбова «бледный и мрачный», у него «растерянный взгляд», «бледные губы», сознание раздваивается: его «мучитель» «появляется всегда неожиданно <...> Эта тайна составляет центр его жизни». Главная причина его мучений – большое самолюбие, или, как выражается его мучитель-двойник, «самолюбьишко, самолюбьишко, вот твоё несчастье!» (Альбов 1888: 1, 3). Негативная черта характера не только называется дважды, но и осуждается в слове с пренебрежительным суффиксом.

Герой Альбова, сосредоточенный на своих переживаниях, живущий уединенно, отчужденно от общей жизни, поддается навязчивой идее, которую называет «блаженством поклониться себе» (Альбов 1888: 111), и кончает жизнь самоубийством. Суицид, смерть, как известно, также одна из характерных тем произведений Достоевского, в которых изображаются душевные переживания, доходящие до высшей степени нервного напряжения, с которым организм не может справиться и которое переходит в болезненные физические состояния: в обмороки, приступы горячки, длительное беспамятство, что, в конечном счете, становится причиной смерти.

Близость произведений Альбова творчеству Достоевского отмечал выдающийся критик, современник обоих писателей Н.К. Михайловский. Так, в «Письме в редакцию» (за подписью *Посторонний*), выявляя «разницу между учителем и учеником», он акцентировал характерную для подражаний особенность: заимствование художественных приемов, их повторение в сочинениях эпигонов ведет к ослаблению воздействия на читателей. Михайловский считал, что автор «Преступления и наказания» злоупотреблял силой своего таланта, изображая мучения своих героев, а его эпигон (Альбов) смягчал это действие: «...сравнительная бледность списка имеет ту выгоду, что не с такою уже чрезмерностью терзает нервы читателей и не такой уж рог избытка унижений выливает на героев» (Михайловский 1884). Отметим, что значительный фрагмент процитированной статьи русского критика был опубликован в переводе на хорватский язык в газете «Hrvatska vila» (1884, 22-е марта). Факт публикации, в которой

говорится об Альбове, отмечен Рафаэлой Божич в личном письме авторам данной статьи.

Наиболее часто Альбов прибегает к заимствованию сюжетных ситуаций. Так, в основу сюжета рассказа Альбова «Городское происшествие» (1875) положена история расследования убийства старухи, совершенного молодым человеком, что отсылает к важнейшему эпизоду романа «Преступление и наказание». Кроме того, у Достоевского его последователь заимствует отдельные сюжетные мотивы и развивает их в самостоятельный сюжет. Так, реплика Мармеладова «с тех пор дочь моя, Софья Семеновна, желтый билет принуждена была получить, и уже вместе с нами по случаю сему не могла оставаться. Ибо и хозяйка, Амалия Федоровна, того допустить не хотела (а сама же прежде Дарье Францевне способствовала)...» (Достоевский 1989:20-21) у Альбова разворачивается в целый рассказ – «Петербургские мизерабли» (1866) о Машеньке Мармеладовой. Это один из самых ярких примеров подражания – использование реминисценций и аллюзий, включая имена персонажей из произведений предшественника.

Действие рассказа разворачивается также в Петербурге, в «каморке», которую «тускло озаряет свеча», в «тишине» «убогой квартиры», в которой «холодно» от того, что «давно не топлено» и нечем платить квартирной хозяйке вот уже три месяца. Но в отличие от сюжета из романа Достоевского, на преступление идет сама квартирная хозяйка – циничная, завистливая и жестокая. Она морально убивает свою жилищу: случайно подслушанный разговор хозяйки с мелким лавочником, желающим заполучить дочь Мармеладовой в содержанки, потрясает измученную болезнью слабую женщину. Квартирная хозяйка толкает девушку на сомнительный путь: чтобы заплатить за квартиру и нанять доктора к умирающей матери, она продает себя. Признающая свою вину «ведь я, некоторым родом, ее убийца», Агафья Ивановна, доводит до логического конца придуманную ею «механику»: после похорон матери квартирная хозяйка выступает в роли «покровительницы» и указывает Маше Мармеладовой путь содержанки знакомого ей лавочника («богатеи-то какой! После отца три лавки фруктовых останутся...»), с которым давно уже в сговоре. Мотив безысходности положения бедной сироты – один из распространенных в произведениях Достоевского («Бедные люди», «Преступление и наказание», «Идиот»). Как и Достоевский, Альбов защищает своих

«мизераблей», симпатии читателя на стороне Машеньки и старушки Мармеладовой. Но кроме гордости и образования у них ничего нет, они бессильны против социального неравенства, и чтобы как-то выжить после смерти матери, Маша принимает предложение квартирной хозяйки: «Что же? Если этого еще не доставало к моему окончательному позору, то я согласна!» (Альбов 1866).

О Петербурге Достоевского напоминает пейзаж рассказа «Во мгле серого дня» («Родина», 1890. № 5, 6, 9), произведения, изобилующего цитатами и литературными реминисценциями. Здесь, как у Достоевского, показаны отвратительные петербургские лестницы, съемные комнаты, лающие собачки, упоминание «фельетонной быстроты» совершения событий, узнаваемый пейзаж («На тротуарах была слякоть, и крупный снег тихо падал...»). Опасливая мысль хозяйки квартиры: «А уж не студент ли он?» – как бы намекает на ее знакомство с романом «Преступление и наказание». Психологизация описания внешности персонажей также близка поэтике Достоевского. Фраза: «Эдакое животное подлое!» – соотносится с суждением Раскольникова («Преступление и наказание») о злой и несправедливой природе человека: «Какой колодезь, однако ж, сумели выкопать! И пользуются! Вот ведь пользуются же! И привыкли». Поплакали. И привыкли. Ко всему-то подлец-человек привыкает!» (Достоевский 1989: 28).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, влияние поэтики Достоевского на его последователя Альбова заключается, во-первых, в сходстве организации пространства и времени (съемные углы Петербурга, где обитают «подвальные жильцы», неказистые каморки верхних этажей, подчеркивающие бытовую неустроенность). Во-вторых, очевидно повторение и варьирование сюжетных ситуаций (покушение на старуху в рассказе «Городское происшествие»). В-третьих, обращает на себя внимание организация речи от первого лица и интонация исповедальности в ранних произведениях Альбова, введение писем и записок, как в «Бедных людях» Достоевского. Главное же – изображение Альбовым узнаваемого психически неуравновешенного героя, изображение поведения, особенностей душевной жизни, одержимость странными идеями и тягой к суициду. Наиболее приметный знак заимствования

– использование имен, фамилий из произведений Достоевского, его неологизма.

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод о том, что особенности художественного мира и приемы его создания определяют мрачную атмосферу многих произведений Альбова, вызывающих у читателей ассоциации створчеством Достоевского. Узнаваемость в произведениях Альбова художественных приемов, изобретенных Достоевским, его сюжетных мотивов и образов, привлекавшая поначалу читателей-любителей, давала основания критикам называть его подражателем.

Охарактеризованные выше черты поэтики рассмотренных произведений Альбова (рассказы, повесть), в которых обнаруживается подражание Достоевскому, не означают содержательного сходства. Факты совпадений в изображении художественного мира подчеркивают различие в глубине и масштабности содержания. Для автора «великого пятикнижия» свойственна метафизическая, религиозно-философская проблематика, особенности поэтики его произведений обусловлены выражением «христианской и высоконравственной мысли», веры в человека, надежды на воскресение его души. Альбов же, разрабатывая характеры, открытые Достоевским, сосредотачивался на их социально-психологической сути, сужая масштаб осмысления жизненных проблем, заимствуя отдельные формальные приемы изображения действительности, отвлекаясь от их религиозно-философского содержания. Преобладание мрачных тонов, «серых людей» в творчестве Альбова объясняется субъективными причинами (тяжелыми обстоятельствами частной жизни, угнетенным характером, социальным пессимизмом) и общей культурно-исторической ситуацией конца XIX в. Хотя он успешно осваивал и творчески развивал открытия классика, в его творчестве явно ощущалось заметное снижение содержательной значимости художественных картин, отсутствие яркой оригинальности в изображении мира, что дало основания современникам относиться к нему как к эпигону.

ЛИТЕРАТУРА

Альбов, М.Н. (1866). Записки подвального жильца, в: *Петербургский листок*, 24 февраля.

Альбов, М.Н. (1866). Петербургские мизерабли, в: *Петербургский листок*, 4 сентября.

Альбов, М.Н. (1888). День итога, в: *Повести и рассказы*. Санкт-Петербург: Тип. В.А. Тиханова, 1–114.

Белинский, В.Г. (1955). *Полн. собр. соч.: в 13 т.* Москва: Изд-во АН СССР, т. 8.

Достоевский, Ф.М. (1989). *Собрание сочинений: в 15 т.* Ленинград: Наука, тт. 1, 5.

Достоевский, Ф.М. (1995). История глагола «штушеваться», в: Достоевский Ф.М. *Собрание сочинений: в 15 т.* Ленинград: Наука, т. 14, 337—340.

Михайловский, Н.К. (1884). Письмо в редакцию, в: *Отечественные записки*. № 2. URL: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_1884_02_pismo_v_redaktziu_olderfo.shtml?ysclid=lq25yvuksm992398942 (дата обращения: 12. 12. 2022).

Муратов, А.В. (1983). Альбов Михаил Нилович, в: *Русские писатели. XIX век. Библиографический словарь: в 2 т.* Москва: Просвещение, т.1, 28–30.

Набоков, В.В. (2012). *Лекции по русской литературе*. Санкт-Петербург: Азбука-классика. [Электронный ресурс]. URL: itexts.net (дата обращения: 19. 2. 2020).

Салтыков-Щедрин, М.Е. (1956). *Полное собрание сочинений: в 30 т.* Москва: Художественная литература, т. 20.

Сегалов, Т.Е. (1929). Болезнь Достоевского, в: *Научное слово*, 4, 92.

Galina Romanova

Moskovsko gradsko sveučilište, Rusija
galinroma@mail.ru

Kristina Rizaeva

Moskovsko gradsko sveučilište, Rusija
krisriza@icloud.com

S ruskog prevela: Irena Mikulaco

Utjecaj poetike F. M. Dostojevskog na djela M. N. Albova

SAŽETAK

U članku se razmatraju primjeri književnog utjecaja poetike Dostojevskog na stvaralaštvo pisca – beletrista Mihaila Niloviča Albova, čije djelo čini značajan dio književnog procesa kasnog 19. stoljeća, a ponovno se objavljuje u 21. stoljeću. Ovladavanje umjetničkim stilom F. M. Dostojevskoga, njegov epigon Albov, pokazao je u prikazivanju mračnog umjetničkog svijeta, atmosfere sumračne zbilje, u stvaranju refleksivnog, duševno bolesnog tipa, u ponavljanju i variranju sižejnih situacija, u prikazivanju osobina ponašanja likova, uporabi imena i prezimena iz djela Dostojevskog, u prikazivanju Peterburga. Znakovi književnog utjecaja otkrivaju se u Albovljevim pripovijetkama “Bilješke stanara podruma”, “Gradski incident”, “Peterburški jadnici”, “U magli sivog dana”, u “psihijatrijskoj studiji” “Dan ishoda”. Prepoznavanje književnih reminiscencija i aluzija u tekstovima njegove kratke proze, uglavnom iz pripovijesti “Zapisi iz podzemlja” i romana “Zločin i kazna”, pokazuje ne samo želju za oponašanjem svog velikog suvremenika, već ukazuje i na izvorne značajke koje su utjecale na transformaciju žanrovskih kanona, u inovativni razvoj tradicijske tematike i prezentacije književnih vrsta.

Ključne riječi: M. N. Albov, imitacija, književni utjecaj, F. M. Dostojevski, epigon

1. UVOD

Pitanje o epigonima književnih klasika usko je povezano s temom književnih ugleda. Prema čitateljskom priznanju, književna djela uvjetno se svrstavaju u klasiku, beletristiku, masovnu literaturu. Otkrića pisaca čija su djela priznata kao klasična variraju, prilagođavaju se u djelima beletrista, ponavljaju u zabavnim djelima. Tako, unatoč niskim estetskim vrijednostima, knjige autora „drugog reda“ često postaju značajna pojava u kulturi svojega vremena, utječući na suvremenike. O tome je pisao V. G. Bjelinski u uvodu u zbirku *Fiziologija Peterburga* (1845): „Siromašna je književnost koja ne blista genijalnim imenima; ali nije bogata ni književnost u kojoj je sve ili genijalno ili bezvrijedno i banalno. Obični talenti nužni su za bogatstvo književnosti, i što ih je više, to je bolje za književnost“ (Bjelinski 1955: 145). To uvjetuje potrebu za proučavanjem specifičnosti takvih književnih pojava kao što su preuzimanje, oponašanje, utjecaj, kao i istraživanje djela pisaca čije su stvaralaštvo, iako ne originalno, suvremenici priznavali kao značajnu pojavu. Pritom se pozitivna vrijednost epigonskih djela, tj. onih koja predstavljaju nekreativno oponašanje klasike, s vremenom gubi, a čitatelji ih postupno zaboravljaju. Međutim, ona ostaju u povijesti književnosti i, u skladu s tim, zahtijevaju razumijevanje. Proučavanje stvaralaštva epigona ima još jednu važnu funkciju: pomaže istaknuti karakteristične, najsvjetlije osobine stvaralaštva onih pisaca čija se otkrića preuzimaju i prilagođavaju. U tom pogledu djela ruskoga pisca-beletrista Mihaila Niloviča Albova (1851. – 1911.) zahvalan su materijal. Nekada su ih tražili čitatelji-suvremenici autora, a danas je njegovo stvaralaštvo zanimljivo samo filozofima koji mu se sve više obraćaju kako bi istaknuli karakteristične osobine stila i problematiku djela A. P. Čehova i F. M. Dostojevskog. Suvremeni istraživači primjećuju da je Albov talentiran pisac, sposoban stvoriti neuhvatljivu atmosferu sumorne stvarnosti s mnoštvom bezbojnih bića upletenih u mrežu mučnih odnosa. Ovo mišljenje temelji se, posebno, na prosudbama kritičara – suvremenika pisca. Tako je M. E. Saltikov-Ščedrin smatrao oponašanje manom i u pismu M. M. Stasjuleviču od 6. siječnja 1885. godine primijetio da Albov „ima veliki nedostatak što je oponašatelj Dostojevskog“.

2. METODE ISTRAŽIVANJA

Postavljajući cilj – istražiti u Albovljevim djelima tragove utjecaja poetike Dostojevskog u formalnim (zaplet, sustav likova, značajke umjetničkoga jezika) i sadržajnim aspektima (tematika) – autori ovoga rada koristili su se biografskim, kulturno-povijesnim i intertekstualnim metodama analize.

3. REZULTATI I RASPRAVA

U drugoj polovici XIX. stoljeća Dostojevski još nije bio klasik, ali već je bio autoritativan, visoko cijenjen pisac. Uspjeh njegovih djela izazvao je težnju za oponašanjem njegova umjetničkoga stila, upotrebom i prilagodbom njegovih otkrića. Naslov prve objavljene novele Albova *Zapisi podrumaškog stanara* (1868., 24. veljače) u popularnim novinama *Petersburški list* upućuje na preuzimanje teme iz *Zapisa iz podzemlja* (1864) F. M. Dostojevskog. Čitateljske asocijacije potvrđene su izborom žanra (zapisi) i oblikom organizacije govora (pripovijedanje u prvom licu). Junak ovoga Albovljeva djela usamljeni je mladić zaljubljen u susjedu. Tipičan sanjar (kako je prikazan u nizu djela Dostojevskog: *Bijele noći*, *Gazdarica*) saznaje da je djevojka koja mu je zavrtjela glavom generalova ljubavnica. Ta vijest ruši njegove snove, od očaja se baca u Nevu, ali ga ledena voda izliječi od „nesretne strasti“. U noveli nema izravnih tekstualnih preuzimanja od Dostojevskog, iako sve podsjeća na njegova djela: poznata iz romana *Bijedni ljudi* zaljubljenost na daljinu, „ljubavne igre“ na prozorčićima, junak – literata-početnik čiju pripovijest izdavač „uzima za dvadeset pet rubalja“. Prezime *Trjapicin* također se može smatrati preuzimanjem – svojevrsnom varijacijom razmišljanja junaka Dostojevskog o tome da čovjek nije „krpa“¹, tj. stara, raspadajuća tkanina. Tako je sluškinju Terezu u romanu *Bijedni ljudi* „nemilosrdna gazdarica <...> pretvorila u krpu, kao neku staru krpicu“ (Dostojevski 1989: 33). Prikaz povrijeđenoga ponosa, prividnoga suparništva s oficirima zbog kojega Trjapicina izbacuju van i koje dovodi do bolesti na živčanoj bazi, izaziva asocijacije na *Zapise iz podzemlja* (scene s oficirima) Dostojevskog. Iako psihološki i simbolički smisao, sadržan u riječima Dostojevskog „podzemni čovjek“, pritom nestaje, rastapajući se u doslovnom značenju izraza „podrumaški stanar“, očiti slučaj preuzimanja naslova je značajan. Poznato je da je Albov rano zavolio čitanje i umjetničku literaturu, počeo je pisati u desetoj godini. Književno preuzimanje u slučaju *Zapisa podrumaškog stanara* oblik je učenja. Bezuvjetna vrijednost novele

1 Ор. прев. Тряпка (трјарка) је крпа.

može se smatrati samom činjenicom da se trinaestogodišnji dječak obratio tako kompleksnom djelu kao što je roman Dostojevskog (neovisno o stupnju njegove svijesti), to je zadivljujuće, svjedoči o darovitosti oponašatelja. Kao što je primijetio V. V. Nabokov, u *Zapisima iz podzemlja*: „najsajnije su predstavljene teme Dostojevskog, njegovi stereotipi i intonacije. To je kvintesencija dostojevštine“ (Nabokov 2012: 190). Suvremeni istraživači smatraju novelu prolegomenama velikog „petoknjižja“ klasika.

Jedan od najsvjetlijih primjera utjecaja poetike Dostojevskog na Albovljevo stvaralaštvo nesumnjivo je „psihijatrijski esej“ *Dan ishoda* (1879), koji je imao veliki uspjeh pri objavljivanju i izaziva interes suvremenih istraživača (E. K. Sozina, A. B. Muratov i dr.). Kako primjećuje A. B. Muratov, upravo je to djelo doprinijelo da Albov postane poznat, zbog čega je „uspostavljena reputacija oponašatelja Dostojevskog“ (Muratov 1996: 29).

U Albovljevim djelima radnja se odvija u prostoru prijestolnice, u siromašnim četvrtima, u kućama gdje na stubištima miriše po plijesni i mačkama, u iznajmljenim stanovima u kojima se odvija neugledan život gradskih građana. Sve to izaziva asocijacije na djela Dostojevskog. Međutim, ovdje postoji važna razlika: kod Dostojevskog specifičnost peterburškoga pejzaža nije rezultat verbalne fotografije („dagerotipije“), kao što je karakteristično za fiziološki esej ruske „naturalističke škole“. Posebnost koja daje posebnu uvjerljivost gradskim slikama jest jasno osjetna subjektivnost točke gledišta. Realnost koja okružuje likove prikazana je kroz njihovu percepciju, što daje opisima poseban psihološki smisao. Albov, koji je cijeli život proveo u Peterburgu i dobro ga poznao i razumio, preuzima samo književni postupak prikaza: u njegovim „peterburškim“ djelima svijet gradskoga nižeg sloja predstavljen je uglavnom statično, kao mračna pozadina na kojoj se odvija radnja, što značajno smanjuje umjetnički potencijal.

Središnja scena u Albovljevoj „etidi“ podsjeća na *Zapise iz podzemlja* Dostojevskog: glavni lik namjerno vrijeđa djevojku zaljubljenju u njega: „I odlično! Što podlije – to bolje!... Ona se sada, možda, muči... Izvršno!“ (Albov 1888: 21). Osim toga, u *Danu ishoda* koristi se poznati neologizam Dostojevskog: riječ „stuševatsya“. U bilješci *Povijest glagola 'stuševatsya'* (*Piščev dnevnik iz 1877.*) pisac objašnjava njegovo značenje: „...Riječ 'stuševatsya' znači nestati, uništiti se, smanjiti se, tako reći, u ništa. Ali uništiti se ne odjednom, ne propasti kroz zemlju, s grmljavinom i lomom, već, tako reći, delikatno, glatko, neprimjetno uroniti u ništavilo... Tijekom cijelog mog književnog djelovanja, najviše mi se sviđalo što mi je uspjelo uvesti potpuno

novu riječ u ruski jezik..." (Dostojevski 1995: 338, 340). Narator Albova zaključuje epizodu koristeći tu riječ: „Osvrnuo se. Katje više nije bilo... Nije ni vidio kako je nestala, kao sjena, bez pozdrava..." (Albov 1888: 23).

U središtu su sustava likova u djelima Dostojevskog „mali ljudi“ – raznočinci i siromašno gradsko stanovništvo, koji se nalaze u iznimno teškim životnim okolnostima, ponosni i usamljeni, s nestabilnom psihom, pateći od podvojenosti svijesti. U radovima posvećenima djelu pisca, primjećuje se da „svakoga tko je čitao djela Dostojevskog, zadivljuje veliki broj psihički bolesnika među likovima koje umjetnik prikazuje u svojim romanima“ (Segalov 1929: 92). Albov također pokazuje interes za takve osobine likova. U *Danu ishoda* prikazan je siromašni student koji nije završio studij, u mnogočemu nalik na Raskoljnikova iz romana *Zločin i kazna* (1866). Bliskosti ovih likova svjedoče određene karakteristike njihova ponašanja, čije postupke Albov preuzima od Dostojevskog. Kao i Raskoljnikov, koji povremeno pada „u duboku zamišljenost“, „u neku vrstu zaborava“, mrmlja „za sebe od navike prema monolozima“ (Dostojevski 1989: 6). Albovljev je lik „bljied i mračan“, ima „zburnjen pogled“, „bljiede usne“, svijest mu se razdvaja: njegov „mučitelj“ „uvijek se pojavljuje neočekivano... <...> Ova tajna je središte njegova života“. Glavni je uzrok njegovih patnji bolesna taština, ili, kako izražava njegov mučitelj-dvojnjak, „samoljublje, samoljublje, to je tvoja nesreća!“ (Albov 1888: 1, 3). Negativna crta karaktera ne samo da se dva puta imenuje već se i osuđuje u riječi s omalovažavajućim sufiksom.

Albovljev lik, usredotočen na svoje osjećaje, živi izolirano, otuđeno od zajedničkoga života, podliježe opsesivnoj ideji koju naziva „blaženstvom klanjanja sebi“ (Albov 1888: 111), i završava život samoubojstvom. Samoubojstvo, smrt, kako je poznato, također je jedna od karakterističnih tema djela Dostojevskog, u kojima se prikazuju duševne patnje koje dosežu najviši stupanj nervne napetosti, s kojom se organizam ne može nositi i koja prelazi u bolna fizička stanja: u nesvjesticu, napadaje groznice, dugotrajno nesvjesno stanje, što na kraju postaje uzrok smrti.

Bliskost Albovljevih djela stvaralaštvu Dostojevskog primijetio je istaknuti kritičar, suvremenik obaju pisaca, N. K. Mihajlovski. Tako je u *Pismu uredništvu* (pod potpisom *Stranac*), ističući „razliku između učitelja i učenika“, naglašavao karakterističnu značajku imitacija: preuzimanje umjetničkih postupaka, njihovo ponavljanje u djelima epigona vodi slabljenju utjecaja na čitatelje. Mihajlovski je smatrao da je autor *Zločina i kazne* zloupotrebljavao snagu svojega talenta prikazujući patnje svojih likova, a njegov epigon (Albov)

ublažavao je to djelovanje: „...relativna bljedoća kopije ima tu prednost što ne muči tako prekomjerno živce čitatelja i ne izlijeva takvo bogatstvo poniženja na likove“ (Mihajlovskij 1884). Napomenimo da je značajan dio citiranoga članka ruskoga kritičara objavljen u prijevodu na hrvatski jezik u novinama *Hrvatska vila* (1884, 22. ožujka). Činjenica objave, u kojoj se govori o Albovu, zabilježena je u osobnom pismu Rafele Božić s autorima ovoga članka.

Najčešće Albov pribjegava posuđivanju zapleta. Tako je u temelju zapleta Albovljeve novele *Gradski incident* (1875) priča o istrazi ubojstva starice koje je počinio mladić, što upućuje na najvažniju epizodu romana *Zločin i kazna*. Osim toga, od Dostojevskog njegov sljedbenik posuđuje pojedine motive zapleta i razvija ih u samostalan zaplet. Tako se replika Marmeladova „od tada je moja kći, Sofija Semjonovna, bila prisiljena dobiti žuti karton i nije mogla ostati s nama zbog tog slučaja. Jer i gazdarica, Amalija Fjodorovna, nije to htjela dopustiti (a sama je prije pomagala Darji Francovnoj)...“ (Dostojevski 1989: 20-21) kod Albova se razvija u cijelu novelu – *Peterburški jadnici* (1866) o Maši Marmeladovoj. To je jedan od najsvjetlijih primjera imitacije – korištenje reminiscencija i aluzija, uključujući imena likova iz djela prethodnika.

Radnja novele također se odvija u Peterburgu, u „sobici“, koju „slabo osvjetljava svijeća“, u „tišini“ „bijednog stana“, u kojem je „hladno“ jer „dugo nije grijano“ i nema se čime platiti stanarinu već tri mjeseca. Ali za razliku od zapleta iz romana Dostojevskog, na zločin ide sama gazdarica – cinična, zavidna i okrutna. Ona moralno ubija svoju stanarku: slučajno prisluškivani razgovor gazdarice s malim trgovcem, koji želi dobiti Marmeladovu kćer za ljubavnicu, potresa iscrpljenu bolešću slabu ženu. Gazdarica tjera djevojku na sumnjiv put: da bi platila stanarinu i unajmila liječnika za umiruću majku, ona prodaje sebe. Priznajući svoju krivnju „ja sam, na neki način, njezin ubojica“, Agafja Ivanovna dovodi do logičnog kraja mehanizam koji je osmislila: nakon majčine sahrane gazdarica nastupa kao „zaštitnica“ i upućuje Mašu Marmeladovu na put ljubavnice poznatog joj trgovca („Kakav bogataš! Nakon oca ostat će mu tri voćarne...“), s kojim je već dugo u dogovoru. Motiv bezizlaznoga položaja sirote jedan je od čestih u djelima Dostojevskog (*Bijedni ljudi*, *Zločin i kazna*, *Idiot*). Kao i Dostojevski, Albov brani svoje „jadrnike“, a simpatije čitatelja na strani su Mašenjke i starice Marmeladove. No osim ponosa i obrazovanja nemaju ništa, nemoćni su protiv društvene nejednakosti, i kako bi nekako preživjela nakon majčine smrti, Maša prihvaća ponudu stanodavke: „Što sad? Ako mi je ovo još nedostajalo za konačnu sramotu, onda pristajem!“ (Albov 1866).

Na Peterburg Dostojevskog podsjeća pejzaž novele *U magli sivog dana* (*Domovina*, 1890. br. 5, 6, 9), djela bogata citatima i književnim reminiscencijama. Ovdje su, kao kod Dostojevskog, prikazana odvratna peterburška stubišta, iznajmljene sobe, psi koji laju, spominjanje „feljtonske brzine“ odvijanja događaja, prepoznatljiv pejzaž („Na pločnicima je bila bljuzga, i veliki snijeg je tiho padao...“). Oprezna misao stanodavke: „A nije li on student?“ – kao da aludira na njezino poznavanje romana *Zločin i kazna*. Psihologizacija opisa vanjštine likova također je bliska poetici Dostojevskog. Fraza: „Tako podla životinja!“ – povezuje se sa suđenjem Raskoljnikova (*Zločin i kazna*) o zloj i nepravednoj prirodi čovjeka: „Kakav bunar su ipak uspjeli iskopati! I koriste se! Eto, koriste se! I navikli su. Plakali su. I navikli. Na sve se podlac čovjek navikne!“ (Dostojevski 1989: 28).

4. ZAKLJUČAK

Dakle, utjecaj poetike Dostojevskog na njegovog sljedbenika Albova očituje se, prvo, u sličnosti organizacije prostora i vremena (iznajmljeni uglovi Peterburga, gdje obitavaju „podstanari iz podruma“, neugledne sobice na gornjim katovima, naglašavajući životnu neuređenost). Drugo, očito je ponavljanje i variranje zapleta (pokušaj ubojstva starice u priči *Gradski događaj*). Treće, pažnju privlači organizacija govora u prvom licu i ispovjedna intonacija u ranim djelima Albova, uvođenje pisama i bilješki, kao u *Bijednim ljudima* Dostojevskog. Glavno je, međutim, prikazivanje kod Albova prepoznatljivoga psihički nestabilnoga junaka, prikaz ponašanja, posebnosti duševnoga života, opsesija čudnim idejama i težnja ka suicidu. Najizrazitiji znak posuđivanja je korištenje imena i prezimena iz djela Dostojevskog, kao i njegovog neologizma.

Uzimajući sve u obzir, može se zaključiti da posebnosti umjetničkoga svijeta i tehnike njegova stvaranja određuju mračno ozračje mnogih Albovljevih djela, izazivajući kod čitatelja asocijacije na stvaralaštvo Dostojevskog. Prepoznatljivost umjetničkih tehnika, koje je izumio Dostojevski, njegovih motiva zapleta i likova u djelima Albova, koja su isprva privlačila ljubitelje čitanja, davala je kritičarima razloga da ga nazivaju imitatorom.

Navedene karakteristike poetike razmatranih Albovljevih djela (novela, pripovijesti), u kojima se otkriva imitacija Dostojevskog, ne znače i sadržajnu sličnost. Činjenice podudarnosti u prikazu umjetničkoga svijeta naglašavaju razliku u dubini i obuhvatnosti sadržaja. Za autora „velikog petoknjižja“

karakteristična je metafizička, religiozno-filozofska problematika, posebnosti poetike njegovih djela određene su izrazom „kršćanske i visokomoralne misli“, vjerom u čovjeka, nadom u uskrsnuće njegove duše. Albov se, razvijajući likove koje je stvorio Dostojevski, usredotočio na njihovu socijalno-psihološku bit, sužavajući obim promišljanja životnih problema, posuđujući pojedine formalne tehnike prikazivanja stvarnosti, odvajajući se od njihova religiozno-filozofskog sadržaja. Prevladavanje mračnih tonova, „sivih ljudi“ u stvaralaštvu Albova objašnjava se subjektivnim razlozima (teškim okolnostima privatnoga života, depresivnim karakterom, socijalnim pesimizmom) i općom kulturno-povijesnom situacijom kraja 19. stoljeća. Iako je uspješno svladao i kreativno razvijao otkrića klasika, u njegovom stvaralaštvu jasno se osjećalo primjetno smanjenje sadržajne značajnosti umjetničkih prikaza, nedostatak sjajne originalnosti u prikazu svijeta, što je njegovim suvremenicima davalo razloga da ga doživljavaju kao epigona.

Galina Romanova

Moscow City University, Russia
galinroma@mail.ru

Kristina Rizaeva

Moscow City University, Russia
krisriza@icloud.com

**The influence of F. M. Dostoevsky's poetics on the works by
M. N. Albov**

SUMMARY

The article considers the examples of literary influence of Dostoevsky's poetics on the works of the writer-belletrist Mikhail Nilovich Albov, whose work is a significant part of the literary process of the late 19th century and is being republished in the 21st century. The mastering of F.M. Dostoevsky's artistic style by his epigone Albov manifested itself in the depiction of a gloomy artistic world, the atmosphere of twilight reality, in the creation of a reflective, mentally ill type, in the repetition and variation of plot situations, in the depiction of the peculiarities of the characters' behaviour, in the use of names and surnames from Dostoevsky's works, in the depiction of St. Petersburg. Signs of literary influence are revealed in Albov's stories "Notes of a Basement Tenant", "City Incident", "Petersburg Miserables", "In the Mist of a Grey Day", in the "psychiatric study" "The Day of the Bottom Line". The identification of literary reminiscences and allusions in the texts of his small prose, mainly from the story "Notes from Underground" and the novel "Crime and Punishment", shows not only the desire to imitate the great contemporary, but also indicates the original features, which were reflected in the transformation of genre canons, in the innovative development of traditional themes and the presentation of literary types.

Keywords: M. N. Albov, imitation, literary influence, F. M. Dostoevsky, epigon